

Задания для муниципального этапа Всероссийской олимпиады для школьников по литературе (2019-2020 учебный год)

11 класс

Задание 1 Творческая работа.

Прочитайте предложенные вам стихотворения поэта П.В. Орешина. Какое из них могла бы проиллюстрировать картина художника-авангардиста А.К. Богомазова (1880-1930г.) «Правка пил»?

Интерпретируйте смысловое наполнение живописных и литературных образов и обоснуйте предложенное вами соотношение образов. Напишите работу в форме аннотации.

Материал для справки

В творчестве новокрестьянского поэта **Петра Васильевича Орешина** (1887-1937г.г.) поэтизируется жизнь патриархальной деревни, он воспеваает неяркую красоту родного края, раздолье русских просторов, любовь к родному дому. В крестьянских стихах поэта соединились фольклорная традиция и стремление отразить то новое, что изменило традиционный уклад жизни современной поэту деревни. Интерес к новой, послереволюционной жизни села проступает в мифологических образах, в которых сказочные мотивы переплетаются с новыми темами человека труда.

В стихотворении «**Мы**» (1919г.), которое можно назвать гимном новой жизни, отражено ликование Человека нового времени, осознающего себя преобразователем мира.

В стихотворении «**На родине**» поэт показывает преобразующую роль труда в «сермяжной России».

Художник-авангардист **Богомазов Александр Константинович** (1880-1930гг.) при создании картины «Правка пил» (1926г.) передал атмосферу труда-праздника, подчинив единому ритму всю композицию: свежеччищенные колоды, сияющие на ярком солнце и отливающие всеми цветами радуги стальные полотнища пил. Он мастерски построил пространство, в глубине которого поднялись срубы новых хат. С реалистической точностью он выписал образы тружеников, их сильные руки, узловатые, привыкшие к работе пальцы. Художник по-новому применяет чистый цвет (художественное течение спектрализм).

Стихотворение П.В. Орешина «На родине»

Не знаю, есть ли край чудесней
Того, в котором я живу,
Дышу снопом и пенюсь песней
И сон мой вижу наяву.

Ржаной мужик и пролетарий,
Москва и — вместе — Нью-Йорк.
И шум о тульском самоваре
Давно заглохнул и умолк.

Мы, правда, все еще потеем
За самоваром, но мечтой
Не раз сермяжная Россия
Вздохнет над новой красотой.

В гробах перевернутся предки,
Когда мы, светом дорожа,
Подвесим солнце в синей клетке
На подоконник, как чижа.

Ах, Нью-Йорк наш — на пороге,
Но нам Америкой не быть.
Свои задумала дороги
Ржаная ленинская сыть.

Им — небоскребы, нам — в просторе
Милльоны изб, но изб таких,
Чтоб пели соловьями зори
И звезды с потолков стальных.

Схвачусь за голову: не тресни.
Свой сон ржаной не оборву.
И вряд приснится край чудесней
Того, в котором я живу!!

1923г.

Стихотворение П.В. Орешина «Мы»

Мы — волны грядущего счастья,
Мы — гребни могучих вершин.
Мы — лес многоцветный и частый,
Мы — ширь и морей и долин.

Мы — глубь и простор океанов,
Мы — разум Вселенной, и мы
Шагами железных титанов
Спокойно выходим из тьмы!

Мы — люди железа и стали,
Мы — в жизни железная мощь.

Мы — числа, мы — мера, мы — дали,
Мы — светлый, живительный дождь.

Мы — медные руки и спины,
Мы — мускулы, плечи, ступни.
Мы — в тяжком труде Исполины,
Мы — знойному Солнцу сродни!

Мы все — Музыканты, Артисты,
Поэты, Трибуны, Певцы,
Художники мы, Публицисты,
Нам — кисти, слова и резцы!

Мы — мускулы мысли и плоти,
Мы — трубы оркестров Труда.
Мы — в творческом радостном взлете,
Мы — сила везде и всегда.

Мы — сила! Нам этого будет.
Мы — жизни прекрасной творцы.
Мы — вечно рабочие люди,
Грядущих веков кузнецы!
1919г.

Богомазов А. К. «Правка пил» (1926г.)

olympmo.ru

[@olymp_mo](https://www.instagram.com/olymp_mo)

[/olympmo](https://www.facebook.com/olympmo)

[/olympmo](https://vk.com/olympmo)

[@olympmo](https://www.telegram.me/olympmo)

Задание 2. Аналитическая работа

Произведите целостный анализ поэтического или прозаического текста. **Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный завершённый текст.**

Комментарий к заданию

Для выполнения задания выберите прозаическое или поэтическое произведений. Внимательно прочитайте его. Самостоятельно определите методы и приёмы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Путь анализа текста должен привести к раскрытию текста как сложно организованного единства элементов, несущих в себе смысл. Целостный анализ текста не требует полного описания всех структурных уровней (от фонетической стороны до раскрытия интертекстуальных связей), важно раскрыть смысл произведения через значимые аспекты его художественной структуры.

Рассказ **Замятин Евгений Иванович** «Мамай»

По вечерам и по ночам – домов в Петербурге больше нет: есть шестиэтажные каменные корабли. Одиноким шестиэтажным миром несется корабль по каменным волнам среди других одиноких шестиэтажных миров; огнями бесчисленных кают сверкает корабль в разбунтовавшийся каменный океан улиц. И, конечно, в каютах не жильцы: там – пассажиры. По-корабельному просто все незнакомо-знакомы друг с другом, все – граждане осажденной ночным океаном шестиэтажной республики.

Пассажиры каменного корабля N 40 по вечерам неслись в той части петербургского океана, что обозначена на карте под именем Лахтинской улицы. Осип, бывший швейцар, а ныне – гражданин Малафеев, стоял у парадного трапа и сквозь очки глядел туда, во тьму: изредка волнами еще прибывало одного, другого. Мокрых, засыпанных снегом, вытаскивал их из тьмы гражданин Малафеев и, передвигая очки на носу – регулировал для каждого уровень почтения: бассейн, откуда изливалось почтение, сложным механизмом был связан с очками.

Вот – очки на кончике носа, как у строгого педагога: это – Петру Петровичу Мамаю.

– Вас, Петр Петрович, супруга дожидает обедать. Сюда приходили, очень расстроены. Как же это вы поздно так?

Затем очки плотно, оборонительно уселись в седле: тот, носатый из двадцать пятого – на автомобиле. С носатым – очень затруднительно: "господином" его нельзя, "товарищем" – будто неловко. Как бы это так, чтобы оно...

– А, господин-товарищ Мыльник! Погодка-то, господин-товарищ Мыльник... затруднительная...

И, наконец – очки наверх, на лоб: на борт корабля вступал Елисей Елисеич.

– Ну, слава Богу! Благополучно? В шубе-то вы, не боитесь – снимут? Позвольте – обтряхну...

Елисей Елисеич – капитан корабля: уполномоченный дома. И Елисей Елисеич – один из тех сумрачных Атласов, что, согнувшись, страдальчески сморщившись, семьдесят лет несут по Миллионной карниз Эрмитажа.

Сегодня карниз был явно еще тяжелее, чем всегда. Елисей Елисеич задышался:

- По всем квартирам... Скорее... На собрание... В клуб...

- Батюшки! Елисей Елисеич, или опять что... затруднительное?

Но ответа не нужно: только взглянуть на страдальчески сморщенный лоб, на придавленные тяжестью плечи. И гражданин Малафеев, виртуозно управляя очками, побежал по квартирам.

Набатный его стук у двери - был как труба архангела: замерзали объятия, неподвижными пушечными дымками застывали ссоры, на пути ко рту останавливалась ложка с супом.

Суп ел Петр Петрович Мамай. Или точнее: его строжайше кормила супруга. Восседающая на кресле величественно, милостиво, многогрудно, буддоподобно - она кормила земного человечка созданным ею супом:

- Ну, скорей же, Петенька, суп остынет. Сколько раз говорить: я не люблю, когда за обедом с книгой...

- Ну, Аленька - ну, я сейчас - ну, сейчас... Ведь шестое издание! Ты понимаешь: "Душенька" Богдановича - шестое издание! В двенадцатом году при французах всё целиком сгорело, и все думали - уцелело только три экземпляра... А вот - четвертый: понимаешь? Я на Загородном вчера нашел...

Мамай 1917 года - завоевывал книги. Десятилетним вихрастым мальчиком он учил Закон Божий, радовался перьям, и его кормила мать; сорокалетним лысенкиным мальчиком - он служил в страховом обществе, радовался книгам, и его кормила супруга.

Ложка супу - жертвоприношение Будде - и снова земной человек суетно забыл о провидении в обручальном кольце - и нежно гладил, ощупывал каждую букву. "В точности против первого издания... С одобрения Ценсурного Комитета"... Ну, до чего приятное, до чего умильное то на трех толстеньких ножках...

- Ну, Петенька, да что это? Кричу-кричу, а ты с своей книгой... Оглох, что ли: стучат.

Петр Петрович - со всех ног в переднюю. В дверях - очки на кончике носа:

- Елисей Елисеич велели - чтоб на собрание. Скорее.

- Ну вот, только за книгу сядешь... Ну что еще такое? - у лысенкиного мальчика в голосе слезы.

- Не могу знать. А только чтоб скорее...- Дверь каюты захлопнулась, очки понеслись дальше...

На корабле было явно неблагоприятно: быть может, потерял курс; быть может, где-нибудь в днище - невидимая пробоина, и жуткий океан улиц уже грозит хлынуть внутрь. Где-то вверху, и вправо, и влево - тревожно, дробно стучат в двери кают; где-то на полутемных площадках - потушенные вполголоса разговоры; и топот быстро сбегающих по ступенькам подошв; вниз, в кают-компанию, в домовый клуб.

Там - оштукатуренное небо, все в табачных грозовых тучах. Душная калориферная тишина, чуть-чуть чей-то шепот. Елисей Елисеич позвонил в колокольчик, согнулся, наморщился - слышно было в тишине, как хрустнули плечи - поднял карниз невидимого Эрмитажа и обрушил на головы, вниз:

- Господа. По достоверным сведениям - сегодня ночью обыски.

Гул, грохот стульев; чьи-то выстреленные головы, пальцы с перстнями, бородавки, бантики, баки. И на согнувшегося Атласа - ливень из табачных туч:

- Нет, позвольте! Мы обязаны...

- Как? И бумажные деньги?

- Елисей Елисеич, я предлагаю, чтобы ворота...

- В книги, самое верное - в книги...

Елисей Елисеич, согнувшись, каменно выдерживал ливень. И Осипу, не поворачивая головы (быть может, она и не могла повернуться):

- Осип, кто нынче на дворе в ночной смене?

Осипов палец медленно, среди тишины, пролагал путь по расписанию на стене: палец двигал не буквы, а тяжелые мамаевские шкафы с книгами.

- Нынче М. гражданин Мамай, гражданин Малафеев.

- Ну вот. Возьмете револьверы - и в случае, если без ордера...

Каменный корабль N 40 несся по Лахтинской улице сквозь шторм. Качало, свистело, секло снегом в сверкающие окна кают, и где-то невидимая пробоина, и неизвестно: пробьется ли

корабль сквозь ночь к утренней пристани - или пойдет ко дну. В быстро пустеющей кают-компании пассажиры цеплялись за каменно-неподвижного капитана:

- Елисей Елисеич, а если в карманы? Ведь не будут же...

- Елисей Елисеич, а если я повешу в уборной как пипифакс, а?

Пассажиры юркали из каюты в каюту и в каютах вели себя необычайно: лежа на полу, шарили рукою под шкафом; святотатственно заглядывали внутрь гипсовой головы Льва Толстого; вынимали из рамы пятьдесят лет на стене безмятежно улыбающуюся бабушку.

Земной человек Мамай - стоял лицом к лицу с Буддой и прятал глаза от всевидящего, пронизывающего трепетом ока. Руки у него были совершенно чужие, ненужные: куцые пингвиньи крылышки. Руки ему мешали уже сорок лет, и если бы не мешали сейчас - может, ему очень просто было бы сказать то, что надо сказать - и так страшно, так невысказанно...

- Не понимаю: ты-то чего струсил? Даже нос побелел! Нам-то что? Какие такие тысячи у нас?

Бог знает, если бы у Мамаи 1300 какого-то года были бы тоже чужие руки, и такая же тайна, и такая же супруга - может быть, он поступил бы так же, как Мамай 1917 года: где-то среди грозной тишины в уголку заскребла мышь - и туда со всех ног глазами кинулся Мамай 1917 года и, забившись в мышиную норь, продрожал:

- У меня... то есть - у нас... Че... четыре тысячи двести...

- Что-о? У тебя-а? Откуда?

- Я... я понемногу все время... Я боялся у тебя каждый раз...

- Что-о? Значит, крал? Значит, меня обманывал? А я-то, несчастная - я-то думала: уж мой Петенька... Несчастливая!

- Я - для книг...

- Знаю я эти книги в юбках! Молчи!

Десятилетнего Мамаи мать секла только один раз в жизни: когда у только что заведенного самовара он отвернул кран - вода вытекла, все распаялось - кран печально повис. И теперь второй раз в жизни чувствовал Мамай: голова зажата у матери под мышкой, спущены штаны - и...

И вдруг мальчишечьим хитрым нюхом Мамай учуял, как заставить забыть печально повисший кран - четыре тысячи двести. Жалостным голосом:

- Мне нынче дежурить во дворе до четырех утра. С револьвером. И Елисей Елисеич сказал, если придут без ордера...

Мгновенно - вместо молниеносного Будды - многогрудая, сердобольная мать.

- Господи! Да что они - все с ума посошли? Это всё Елисей Елисеич. Ты смотри у меня - и в самом деле не вздумай...

- Не-ет, я только так, в кармане. Разве я могу? Я и муху-то...

И правда: если Мамаю попадала муха в стакан - всегда возьмет ее осторожно, обдует и пустит - лети! Нет, это не страшно. А вот четыре тысячи двести...

И снова - Будда:

- Ну, что мне за наказание с тобой! Ну, куда ты теперь денешь эти твои краденые - нет уж, молчи, пожалуйста - краденые, да...

Книги; калоши в передней; пипифакс; самоварная труба; ватная подкладка у Мамаевой шапки; ковер с голубым рыцарем на стене в спальне; полураскрытый и еще мокрый от снега зонтик; небрежно брошенный на столе конверт с наклеенной маркой и четко написанным адресом воображаемому товарищу Гольдебаеву... Нет, опасно... И наконец, около полночи решено все построить на тончайшем психологическом расчете: будут искать где угодно - только не на пороге, а у порога шатается вот этот квадратик паркета. Кинжальчиком для разрезывания книг искусно поднят квадратик. Краденые четыре тысячи ("Нет, уж пожалуйста - пожалуйста молчи!") завернуты в вощеную от бисквитов бумагу (под порогом может быть сыро) - и четыре тысячи погребены под квадратиком.

Корабль N 40 - весь как струна, на цыпочках, шепотом. Окна лихорадочно сверкают в темный океан улиц, и в пятом, во втором, в третьем этаже отодвигается штора, в сверкающем окне - темная тень. Нет, ни зги. Впрочем, ведь там на дворе - двое, и когда начнется - они дадут знать...

Третий час. На дворе тишина. Вокруг фонаря над воротами - белые мухи: без конца, без числа - падали, вились роем, падали, обжигались, падали вниз.

Внизу с очками на кончике носа, философствовал гражданин Малафеев:

- Я - человек тихий, натурливый, мне затруднительно в этакой во злобе жить. Дай, думаю, в Осташков к себе съезжу. Приезжаю - международное положение - ну прямо невозможное: все друг на дружку - чисто волки. А я так не могу: я человек тихий...

В руках у тихого человека - револьвер, с шестью спрессованными в патронах смертями.

- А как же вы, Осип, на японской: убивали?

- Ну, на войне! На войне - известно.

- Ну, а как же штыком-то?

- Да как-как... Оно вроде как в арбуз: сперва туго идет - корка, а потом - ничего, очень свободно.

У Мамаю от арбуза - мороз по спине.

- А я бы... Вот хоть бы меня самого сейчас - ни за что!

- Погодите! Приспичит - так и вы...

Тихо. Белые мухи вокруг фонаря. Вдруг издали - длинным кнутом винтовочный выстрел, и опять тихо, мухи. Слава Богу: четыре часа, нынче уже не придут. Сейчас смена - и к себе в каюту, спать...

В мамаевской спальне на стене - голубой клетчатый рыцарь замахнулся голубым мечом и застыл: перед глазами у рыцаря совершалось человеческое жертвоприношение.

На белых полотняных облаках покоилась госпожа Мамаю - всеобъемлющая, многогрудая, буддоподобная. Вид ее говорил: сегодня она кончила сотворение мира и признала, что все - добро зело, даже и этот маленький человечек, несмотря на четыре тысячи двести. Маленький человечек обреченно стоял возле кровати, иззябший, с покрасневшим носиком, куцые, чужие, пингвиньи крылышки-руки.

- Ну иди уж, иди...

Голубой рыцарь зажмурил глаза: так ясно, до жути - вот сейчас перекрестится человечек, вытянет вперед руки - и как в воду с головою - бултых!

Корабль N 40 благополучно пронесся сквозь шторм и пристал к утренней пристани. Пассажиры торопливо вытаскивали деловые портфели, корзиночки для провизии и мимо Осиповых очков спешили на берег: корабль у пристани - только до вечера, а там - опять в океан.

Согнувшись, Елисей Елисеич пронес мимо Осипа карниз невидимого Эрмитажа - и обрушил на Осипа сверху:

- Уж нынче ночью - обыск наверное. Так пусть все и знают.

Но до ночи - еще жить целый день. И в странном, незнакомом городе - Петрограде - растерянно бродили пассажиры. Так чем-то похоже - и так непохоже - на Петербург, откуда отплыли уже почти год и куда едва ли когда-нибудь вернуться. Странные, замерзшие за ночь каменноснежные волны: горы и ямы. Воины из какого-то неизвестного племени - в странных лохмотьях, оружие на веревочках за плечами. Чужеземный обычай - ходить в гости с ночевкой: на улицах ночью - вальтер-скоттовские роброи. И вот тут на Загородном - выжженные в снегу капельки крови... Нет, не Петербург!

По незнакомому Загородному потерянно бродил Мамаю. Пингвиньи крылышки мешали; голова висела, как кран у распявшегося самовара; на левом стоптанном каблуке - снежный globus hystericus, мучителен каждый шаг.

И вдруг вздернулась голова, ноги загарцевали двадцатипятилетне, на щеках - маки: из окна улыбалась Мамаю - ...

– Эй, зёва, с дороги! - навстречу, напролом краснорожие перли с огромными торбами.

Мамай отскочил, не отрывая глаз от окна, и чуть только проперли - снова к окну: оттуда ему улыбалась - ...

"Да, ради этой - и украдешь, и обманешь, и всё".

Из окна улыбалась, раскинувшись соблазнительно, сладострастно - екатерининских времен книга: "Описательное изображение прекрасностей Санкт-Петербурха". И небрежным движением, с женским лукавством, давала заглянуть внутрь - туда, в теплую ложбинку между двух упруго изогнутых, голубовато-мраморных страниц.

Мамай был двадцатипятилетне влюблен. Каждый день ходил на Загородный под окно и молча, глазами, пел серенады. Не спал по ночам - и хитрил сам с собой: будто оттого не спит, что под полом где-то работает мышь. Уходил по утрам - и всякое утро тот самый паркетный квадратик на пороге колот сладким гвоздем: под квадратиком погребено было Мамаево счастье, так близко, так далеко. Теперь, когда все открылось про четыре тысячи двести,- теперь как же?

На четвертый день, как трепыхающегося воробья - зажав сердце в кулак, Мамай вошел в ту самую дверь на Загородном. За прилавком - седобородый, кустобровый Черномор, в плену у которого обитала она. В Мамае воскрес его воинственный предок: Мамай храбро двинулся на Черномора.

–А, господин Мамай! Давненько, давненько... У меня для вас кой-что отложено.

Зажав воробья еще крепче, Мамай перелистывал, притворно-любовно поглаживал книги, но жил спиной: за спиной в витрине улыбалась она. Выбрав пожелтевший 1835 года "Телескоп", долго торговался Мамай - и безнадежно махнул рукой. Потом, лисьими кругами рыская по полкам, добрался до окна - и так, будто между прочим:

– Ну, а эта сколько?

Ёк - воробей выпорхнул – держи! держи! Черномор програбил пальцами бороду:

– Да что же - для почину... с вас полтора.

–Гм... Пожалуй... (Ура! Колокола! Пушки!) Что же, пожалуй... Завтра принесу деньги и заберу.

Теперь надо через самое страшное: квадратик возле порога. Ночь Мамай пекся на угольях: нужно, нельзя, можно, немислимо, можно, нельзя, нужно...

Всеведущее, милостивое, грозное - провидение в обручальном кольце пило чай.

– Ну кушай же, Петенька. Ну что ты такой какой-то... Не спал опять?

– Да. Мы... мыши... не знаю...

– Брось платок, не крути! Что это такое в самом деле!

– Я... я не кручу...

И вот, наконец, выпит стакан: не стакан - бездонная, сорокаведерная бочка. Будда на кухне принимала жертвоприношение от кухарки. Мамай в кабинете один.

Мамай тикнул, как часы - перед тем как пробить двенадцать. Глотнул воздуху, прислушался, на цыпочках - к письменному столу: там кинжальчик для книг.

Потом в лихорадке гномиком скорчился на пороге, на лысине - ледяная роса, запустил кинжальчик под квадрат, ковырнул - и... отчаянный вопль!

На вопль Будда пригремела из кухни - и у ног увидала: тыквенная лысинка, ниже - скорченный гномик с кинжальчиком, и еще ниже - мельчайшая бумажная труха.

– Четыре тысячи - мыши... Вон-вон она! Вон!

Жестокий, беспощадный, как Мамай 1300 какого-то года, Мамай 1917 года воспрянул с карачек – и с мечом в угол у двери: в угол забила вышарахнувшая из-под квадратика мышь. И мечом кровожадно Мамай прогвоздил врага. Арбуз: одну секунду туго - корка, потом легко – мягкость, и стоп: квадратик паркета, конец.

1920г.

Примечания

Замятин Евгений Иванович (1884–1937) – писатель, критик, публицист, киносценарист. Создатель жанра романа - антиутопии («Мы»). Блестящий стилист. Создавал свои произведения в стиле «орнаментальной прозы», доводя повествование до сатирического, часто гротескного изображения действительности. Как орнаменталист Замятин апеллирует к архетипам, легендам, историческим мотивам, на передний план выходят метафоры, образы, ассоциации, лейтмотивы. Текст подвергается воздействию поэтических структур. Для повествования характерны ритмизация, звуковой повтор, метафоричность, преобладание лейтмотива над пластикой образа.

Опорные вопросы

1. Когда происходят описываемые события? Кто населяет дом - корабль на Лахтинской улице Петрограда?
2. К какому типу героев относится Пётр Петрович Мамай? С какими литературными образами вы ассоциируете образ Мамая?
3. Какую роль играет образ супруги Мамая? По какому принципу строятся два эти образа?
4. Кто оказался главным врагом в обладании желанной книгой «Описательное изображение прекрасностей Санкт-Петербурга»?
5. Что превратило тихого человечка в агрессивное существо?
6. Какие признаки «орнаменталистской прозы» вы бы отметили в рассказе Е. Замятина «Мамай»?
7. Какую роль выполняют архетипы, метафоры, отсылки к литературным образам?

Стихотворение

Айги Г. «В декабрьской ночи»

В страхе
как будто в декабрьской ночи
самоосвещаются
в е щ и
д у ш и
и как говорим «тупики» и «дома» и «туннели»
определяю я это немногое —
когда повторяю:
что общность избравших друг друга
совместность их нищенская —
как разрешенная по недосмотру!
но неотменима
что ежедневно обязан художник
знать о силе и времени смерти
и знать потому: что для правды
не хватит и всей его жизни
что можно быть светлым всегда — о хотя бы от боли!—
когда эта боль — словно заданная
неотличима от веры
что — как
говорящие — теплятся
в е щ и
д у ш и
в страхе — как в зимней ночи
всю полноту образуя
необходимого ныне терпения
1957г.

Опорные вопросы

1. Какое решение получает в стихотворении Г. Айги тема поэта и поэзии?
2. Можно ли согласиться с философами, утверждавшими, что русская литература – это философия ночи, раскрывающая тёмную сторону души? Почему боль художника – это условие просветления?
3. Считают, что Г. Айги – создатель мира, «удерживающего пространство мысли» (Т. Данильянц) Согласны ли вы с этим, докажете.
4. Как в поэзии Айги соединились архетип народного сознания и авангард?

Айги Геннадий (1934-2006) – русский чувашский поэт, выдающийся литературный деятель. Поэзия связана как с фольклорной традицией чувашского народа, так и с классической. Сохранив почвенническую (народную) традицию, он вошёл в контекст мировой литературы. В необычайной поэтической манере сочетаются традиционизм и авангардизм, черты разных форм поэзии, живописи и музыки. Его поэзия отличается множеством смысловых связей, ассоциативных образов, мыслей и чувств. Его позиция – это защита собственной души от многих тираний, в том числе тирании массовой культуры.

